

Тан Линъи остановила её беспокойные движения, успокаивая:

— Туаньтуань, я знаю, что ты злишься, но каллиграфия — это не то, чему можно научиться за один день. Это требует долгих тренировок.

Её тёмные глаза слегка прикрылись, она беззаботно улыбнулась и погладила её по голове:

— В следующий раз, когда услышишь такие сплетни, не вступай в конфликт. Просто обратись к управляющему Вану или Хунмэй, они разберутся с теми людьми.

Тан Линъи была мягкой, как вода. Хунмэй рассказала ей о произошедшем, но она считала, что Туаньтуань просто слишком разозлилась из-за того, что о ней плохо говорят. Ведь она так привязана к ней.

Она не задумывалась об этом слишком много, лишь надеялась, что её глупенькая зайка больше не будет бросаться в бой ради неё. Это было так трогательно и глупо.

Глядя на спокойно улыбающуюся Тан Линъи, Чжэн Цзюньсинь, казалось, стала немного умнее. Она спросила:

— А-Лин, ты всё это время, пока была слепой, каждый день слышала такие слова?

— Нет, очень редко! Наша госпожа такая сильная, да ещё и старшая дочь в семье. Никто не посмеет её обидеть. Если кто-то осмелится, я первая ему покажу! — Получив намёк от госпожи, Хунмэй быстро отреагировала, защищая свою хозяйку.

Тан Линъи не хотела, чтобы глупенькая зайка слишком много думала, поэтому поднялась и вместе с Хунмэй подошла к письменному столу.

Тан Линъи написала три иероглифа: «Чжэн Цзюньсинь». Её почерк был изящным и великолепным, словно облака, плывущие по небу. В каждом штрихе чувствовалась лёгкость и непринуждённость.

Хунмэй заметила, что в прошлый раз, когда приходило письмо из города, эти же иероглифы были написаны, но не так гладко, как сейчас.

Чжэн Цзюньсинь смотрела, как Тан Линъи пишет её имя, и радовалась несколько мгновений, но затем снова задумалась. Её пальцы бесцельно вертели ленточку.

Хунмэй тихо сообщила об этом Тан Линъи, и та, хотя не понимала причины, спросила:

— Давай я научу тебя писать. Какие иероглифы ты хочешь научиться писать?

Чжэн Цзюньсинь сразу же ответила:

— Я хочу написать имя А-Лин.

— Моё имя? Почему? — Тан Линъи была удивлена.

— Имя А-Лин очень красивое, и я хочу написать его, чтобы носить с собой. Тогда А-Лин не убежит. — Она хихикнула, как ребёнок.

— Глупенькая, как я могу убежать? — Тан Линъи мягко улыбнулась.

Она написала своё имя, а затем Чжэн Цзюньсинь начала учиться, повторяя каждый штрих. Если что-то не получалось, она рвала бумагу и начинала заново. Весь день, кроме времени на еду и перевязку, она провела за письмом, словно студент, готовящийся к экзаменам.

Иногда Тан Линьи помогала ей исправить положение руки и кисти, но большую часть времени позволяла ей учиться самостоятельно.

Ведь она могла учить её лишь временно, но не на всю жизнь. Всё равно нужно было, чтобы она сама всё поняла.

Дни шли, и Чжэн Цзюньсинь выучила ещё несколько иероглифов и написала их множество. Хотя её почерк всё ещё был некрасивым, лучше всего у неё получались её собственное имя и имя Тан Линьи.

Конечно, до уровня Тан Линьи ей было ещё далеко. Хунмэй и другие, увидев это, смеялись и подшучивали над ней: почему она так старательно тренирует только эти два имени? Разве они не достойны её прекрасного почерка?

Чжэн Цзюньсинь покраснела, а в сочетании с её красным платьем она выглядела как цветок ипомеи, растущий во дворе.

— Ха-ха-ха! Госпожа Цзюньсинь смутилась!

— Это всё из-за вас. Зачем вы говорили, что она особенная только для госпожи? Теперь она смутилась.

— Ха-ха-ха! — Они смеялись ещё громче.

Чжэн Цзюньсинь, глядя на два ряда иероглифов, стоящих рядом на столе, снова почувствовала радость.

— Ладно, ладно, хватит. Пора заняться делами. Не мешайте нашей госпоже и госпоже Цзюньсинь разговаривать. — Хунмэй, закончив с семечками, с улыбкой разогнала всех, вызвав ещё больше смеха.

Девушки, увидев это, перестали её дразнить и разошлись. Во дворе остались только Тан Линьи, Хунмэй и она.

— Похоже, твой почерк действительно стал лучше. Хунмэй, опиши, как она пишет.

Во дворе стояли два стола и несколько стульев, а на земле было разбросано более двадцати листов бумаги — всё это были листы с практикой Чжэн Цзюньсинь. Тан Линьи передвинула кушетку на середину двора, взяла веер и обмахивала себя, наслаждаясь спокойствием.

— Да, госпожа. Госпожа Цзюньсинь действительно пишет красиво. — Хунмэй снова похвалила её, используя всё красноречие, которое она почерпнула из книг. Её почерк был похож на величественные горы и бурные реки, на плывущие облака и стремительные потоки.

Байлань подошла с тарелкой фруктов, передала её обеим и взяла веер у Тан Линьи, чтобы обмахивать её. При этом она не забыла покрутить глазами:

— Твои описания звучат так, будто её почерк беспрецедентен. Ты слишком много читаешь!

Тут же она получила убийственный взгляд от Хунмэй.

— Попробуй повторить, если сможешь! — Хунмэй погналась за Байлань, чтобы ударить её, и они обе бегали вокруг Чжэн Цзюньсинь и Тан Линьи.

Чжэн Цзюньсинь, всё ещё красная, не выдержала насмешек и, закрыв лицо руками, убежала.

Зима прошла быстро, и наступил её конец. Погода постепенно становилась теплее.

Тан Линьи время от времени чувствовала себя раздражённой и теряла аппетит. Обычно она ложилась спать поздно, но в последнее время ей стало ещё труднее заснуть. Её глаза также начали слегка болеть, и боль становилась всё сильнее. Она вынуждена была постоянно носить ленту для волос, чтобы прикрыть глаза, так ей было легче.

Иногда Чжэн Цзюньсинь приходила позавтракать с ней и накладывала ей в миску столько еды, что она становилась похожа на гору. Всё было мягким и легко жуемым.

Но во время еды она начала чувствовать головокружение. Подумав, что это из-за ленты для волос, она сняла её и решила немного полежать на кушетке.

Однако головокружение не уменьшилось, а усилилось. Её желудок бурлил, и её начало тошнить. Глаза сильно болели, словно глазные яблоки хотели вырваться из тела. Это было похоже на тот день, когда поклонник наследного принца держал иглу в руке, и острый конец медленно приближался к её зрачку, а затем пронзил его.

— Ааааа!!!!

Тан Линьи, обессиленная от боли, лежала на полу и продолжала рвать, обхватив глаза руками, пытаясь уменьшить боль. Но боль становилась всё сильнее, глазные яблоки, казалось, понемногу раскалывались в глазницах, но никак не лопались, не давая ей облегчения.

Голова болела, и Тан Линьи чувствовала себя так, словно её погрузили в ледяную воду. Она вся потела, но при этом у неё появились мурашки. Её то бросало в жар, то в холод.

Она была в полубессознательном состоянии, не слыша громких криков окружающих. Её голова была невероятно тяжёлой, словно давила на тело, не давая дышать. Наконец, она почувствовала облегчение и потеряла сознание.

Чжэн Цзюньсинь, испугавшись, бросилась к ней, чтобы поддержать её и не дать удариться головой о пол.

Она была в полной растерянности, не понимая, как Тан Линьи могла просто упасть во время еды. Она тихо звала её, боясь, что та заснула:

— А-Лин, А-Лин, ты заснула? Проснись! А-Лин, А-Лин!

Несколько раз позвав её без ответа, она увидела, что Тан Линьи лежит у неё на руках, вся в поту, с нахмуренными бровями, выглядевшей очень несчастной.

Чжэн Цзюньсинь громко кричала ей, одновременно зовя на помощь. Слезы уже наворачивались на глаза.

К счастью, в этот момент Байлань вернулась с десертом после еды и, увидев беспорядок в комнате, госпожу Цзюньсинь, сидящую на полу с безжизненной госпожой на руках, забила тревогу и быстро подбежала.

— Байлань, Байлань, спаси А-Лин! Она... Я зову её, но она не отвечает, она вся горячая, она умрёт?! — Госпожа Цзюньсинь хватала Байлань за рукав, вся в слезах, выглядевшей сильно напуганной.

Успела-таки, хе-хе.

Туаньтуань: Никто не смеет обижать А-Лин!

А-Лин: А я могу обижать других?

Туаньтуань: А-Лин может делать всё, что захочет, я помогу А-Лин обижать других вместе!

А-Лин: Ты можешь сегодня выучить «Предисловие к Павильону орхидей» наизусть? Иначе я буду тебя обижать (улыбается).

Туаньтуань: Не-не, этого человека обидеть нельзя, и «Предисловие к Павильону орхидей» я выучить не могу, я побежала, пока.

<http://bllate.org/book/16867/1554139>